

Виктор Гюго

Двадцать лет назад мне выпало счастье лично узнать великого писателя в гражданах современной Франции — Романа Роллана.

В крохотном Вильёве на берегу Женевского озера первый разговор с ним о литературе коснулся Виктора Гюго. Роллан спросил меня, как относятся в Советском Союзе к великому французу. Я ответил, что Гюго — один из любимых у нас писателей Франции и что он спорит с самыми известными западноевропейскими авторами за первенство в популярности среди советских читателей:

— Да, я знаю. В России всегда высоко ценили Гюго-романтика. А для нас он прежде всего — великий национальный поэт.

Это мнение меня не удивило. Оно сложилось на протяжении долгих лет. Но в нем есть неполнота.

От Пушкина и до наших дней русский читатель горячо отзывался на великолепную поэзию Гюго.

Виктор Гюго — почти ровесник Пушкина; он моложе нашего великого поэта всего на три года. В тот год, когда Пушкин прочитал свои стихи на выпускном экзамене и тем завоевал лицейский период своей поэзии, пятнадцати лет Гюго выступил с первой книгой своих стихов.

В двадцатые годы прошлого века Гюго каждой своей новой книге выдавал в Франции бурьи страстей и выходы победителей. Россия узнала его в те же годы как поэта, потом как драматурга, потом как автора романов.

Пушкин был современным читателем и критиком Виктора Гюго. Вместе со всем читающим русским обществом он узнал молодого Гюго и поэта. И он оценил его стихи не менее высоко, чем они были признаны французами.

Замечательно, однако, что Пушкин совсем обогнал Гюго-классиста, то есть его ранние стихи, за которые юноша Гюго был удостоен почетного отзыва Французской академии, или те, где он в 1822 году выступил как роялист.

Напротив, Пушкин выделил более позитивные «Восточные стихотворения», в которых Гюго воспел героев борьбы за национальное освобождение Греции от турецкого ига, — и это так понятно нам, знающим Пушкина как сторонника греческой свободы.

Пушкин назвал «Восточные стихотворения» Гюго «блестящими стихами» и несколько ранее этого отзыва сказал в них о своем письме, что «Гюго и Сент-Бен — бесспорно единственны французские поэты нашего времени...»

Пушкинская оценка Гюго-поэта положила основу тому признанию поэтической мации Виктора Гюго, которое затем утвердилось в прогрессивных русских литературных кругах и дало толчок к распространению поэзии Гюго в нашей стране.

Стихи Гюго перевелись в России широко, и любопытно вспомнить, что царь Николай I в 1834 году посыпал под арест Никитенко, петербургского профессора словесности, за то, что этот пропустил в печати одну из арестованных поэтов — Виктора Гюго, в которой поэт непочтительно высказался о господине.

Поэзию Гюго передовая Россия не только всегда хорошо знала, она готова была за нее поститься; и советские читатели отдают ей должное и теперь, когда у нас не стало никаких препятствий для пропаганды подлинно народной поэзии. В советское время стихи Гюго печатались и печатаются уже не только по-русски, но на многих и многих языках социалистических республик...

Есть другая сторона вопроса о Викторе Гюго и его читателе в нашей стране.

Наше отношение к великому французскому писателю свободно и непредвзято. Здесь мы, как и во многом, что касается взглядов на литературу, тоже являемся наследниками Пушкина. Если такой искусственный ценитель литературы, как Пушкин, испытывающие владевший знанием современных европейских писателей Востока и Запада, отдавался со всей непосредственностью чтению Гюго-прозаика, то как же должна захватить пропасть между читателем и читателем другим. Мы никогда не забудем того символического рукопожатия, каким было согласие Виктора Гюго сотрудничать с Александром Герценом в его «Полярной звезде», выходившей под пушкинским девизом: «Да здравствует разум!»

Гюго был и остается великим поборником свободного разума, великим защитником свободного человека. И его стихи, его романы — это сама жизнь.

Конст. ФЕДИН

НАУЧНАЯ СЕССИЯ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ПРИ ЦК ВКП(б)

В Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) вчера открылась научная сессия, посвященная труду И. В. Сталина и их значению в развитии общественных наук. Вступительный лекция «Труды И. В. Сталина — могучее оружие большевистской партии в борьбе за победу коммунизма» сделал ректор академии Д. И. Надточев.

Академик Г. Ф. Александров выступил с докладом «И. В. Сталин о роли науки в развитии общества». Сегда участники сессии заслушают доклады: проф. Д. Т. Шепилова «И. В. Сталин об экономических законах социализма», проф.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Федина К. А. орденом Трудового Красного Знамени

За выдающиеся заслуги в области художественной литературы, в связи с шестидесятилетием со дня рождения, наградить писателя Федина Константина Александровича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ШВЕРНИК.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 25 февраля 1952 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 25 (2898)

Вторник, 26 февраля 1952 г.

Цена 40 коп.

НА СТРОИКАХ КОММУНИЗМА

Сталинградские переправы

Georgий КУБЛИЦКИЙ

Капитан Павел Иванович Кошленский живет в Красной Слободе, что растянулась на заселенных лесах против Сталинграда. Всякий покажет вам его домик у двух могучих осокорей, буйно разросшихся по средней улицы.

Страстные и воинственные человеческие мечты Гюго обекли в ту форму, в которой они могли быть лучшим образом выражены. Речь идет не об идеальности абстрактной формы, но об ее назначении, как естественной части целого, призванной решать общую идеальную задачу.

Другой почти полный ровесник Виктора Гюго по годам — знаменитый Жорж Санд, — выступая против теории «искусства для искусства», которую она называла пустым звуком и совершенно ложным понятием, очень метко сказала о художественной форме произведения Гюго:

«Когда Виктор Гюго говорит «море отчаялось», он однажды говорит море, вкладывая в него бурную и смятенную душу, душу поэта или коллектива душу человека».

Да, это действительно так. Гюго нашел в своей нестройной, смятенной, почти отвергающей пропорции формы небывалые возможности, с помощью которых он создал «коллективную душу».

Инструмент этот звучит и призывающей трубой и неожиданной, в нем слышится победа баранов и фанфар, он поет песни юноши и девушек, грустных пастушеских рожком.

Гюго-романист — виртуозный мастер фабулы, фантастический лещник контрастов, точайший ткач и вышивальщик интриг. В искусстве построить сюжет, от первоначального запева до заключительного разрешения, Гюго должен был признан мировым классиком.

Напротив, Пушкин выделил более позитивные «Восточные стихотворения», в которых Гюго воспел борьбу за национальное освобождение Греции от турецкого ига, — и это так понятно нам, знающим Пушкина как сторонника греческой свободы.

Замечательно, однако, что Пушкин совсем обогнал Гюго-классиста, то есть его ранние стихи, за которые юноша Гюго был удостоен почетного отзыва Французской академии, или те, где он в 1822 году выступил как роялист.

Пушкин был современным читателем и критиком Виктора Гюго. Вместе со всем читающим русским обществом он узнал молодого Гюго и поэта. И он оценил его стихи не менее высоко, чем они были признаны французами.

Замечательно, однако, что Пушкин совсем обогнал Гюго-классиста, то есть его ранние стихи, за которые юноша Гюго был удостоен почетного отзыва Французской академии, или те, где он в 1822 году выступил как роялист.

Пушкин назвал «Восточные стихотворения» Гюго «блестящими стихами» и несколько ранее этого отзыва сказал в них о своем письме, что «Гюго и Сент-Бен — бесспорно единственны французские поэты нашего времени...»

Пушкинская оценка Гюго-поэта положила основу тому признанию поэтической мации Виктора Гюго, которое затем утвердилось в прогрессивных русских литературных кругах и дало толчок к распространению поэзии Гюго в нашей стране.

Стихи Гюго перевелись в России широко, и любопытно вспомнить, что царь Николай I в 1834 году посыпал под арест Никитенко, петербургского профессора словесности, за то, что этот пропустил в печати одну из арестованных поэтов — Виктора Гюго, в которой поэт непочтительно высказался о господине.

Напротив, Пушкин выделил более позитивные «Восточные стихотворения», в которых Гюго воспел борьбу за национальное освобождение Греции от турецкого ига, — и это так понятно нам, знающим Пушкина как сторонника греческой свободы.

Замечательно, однако, что Пушкин совсем обогнал Гюго-классиста, то есть его ранние стихи, за которые юноша Гюго был удостоен почетного отзыва Французской академии, или те, где он в 1822 году выступил как роялист.

Пушкин назвал «Восточные стихотворения» Гюго «блестящими стихами» и несколько ранее этого отзыва сказал в них о своем письме, что «Гюго и Сент-Бен — бесспорно единственны французские поэты нашего времени...»

Пушкинская оценка Гюго-поэта положила основу тому признанию поэтической мации Виктора Гюго, которое затем утвердилось в прогрессивных русских литературных кругах и дало толчок к распространению поэзии Гюго в нашей стране.

Стихи Гюго перевелись в России широко, и любопытно вспомнить, что царь Николай I в 1834 году посыпал под арест Никитенко, петербургского профессора словесности, за то, что этот пропустил в печати одну из арестованных поэтов — Виктора Гюго, в которой поэт непочтительно высказался о господине.

Напротив, Пушкин выделил более позитивные «Восточные стихотворения», в которых Гюго воспел борьбу за национальное освобождение Греции от турецкого ига, — и это так понятно нам, знающим Пушкина как сторонника греческой свободы.

Замечательно, однако, что Пушкин совсем обогнал Гюго-классиста, то есть его ранние стихи, за которые юноша Гюго был удостоен почетного отзыва Французской академии, или те, где он в 1822 году выступил как роялист.

Пушкин назвал «Восточные стихотворения» Гюго «блестящими стихами» и несколько ранее этого отзыва сказал в них о своем письме, что «Гюго и Сент-Бен — бесспорно единственны французские поэты нашего времени...»

Пушкинская оценка Гюго-поэта положила основу тому признанию поэтической мации Виктора Гюго, которое затем утвердилось в прогрессивных русских литературных кругах и дало толчок к распространению поэзии Гюго в нашей стране.

Стихи Гюго перевелись в России широко, и любопытно вспомнить, что царь Николай I в 1834 году посыпал под арест Никитенко, петербургского профессора словесности, за то, что этот пропустил в печати одну из арестованных поэтов — Виктора Гюго, в которой поэт непочтительно высказался о господине.

Напротив, Пушкин выделил более позитивные «Восточные стихотворения», в которых Гюго воспел борьбу за национальное освобождение Греции от турецкого ига, — и это так понятно нам, знающим Пушкина как сторонника греческой свободы.

Замечательно, однако, что Пушкин совсем обогнал Гюго-классиста, то есть его ранние стихи, за которые юноша Гюго был удостоен почетного отзыва Французской академии, или те, где он в 1822 году выступил как роялист.

Пушкин назвал «Восточные стихотворения» Гюго «блестящими стихами» и несколько ранее этого отзыва сказал в них о своем письме, что «Гюго и Сент-Бен — бесспорно единственны французские поэты нашего времени...»

Пушкинская оценка Гюго-поэта положила основу тому признанию поэтической мации Виктора Гюго, которое затем утвердилось в прогрессивных русских литературных кругах и дало толчок к распространению поэзии Гюго в нашей стране.

Стихи Гюго перевелись в России широко, и любопытно вспомнить, что царь Николай I в 1834 году посыпал под арест Никитенко, петербургского профессора словесности, за то, что этот пропустил в печати одну из арестованных поэтов — Виктора Гюго, в которой поэт непочтительно высказался о господине.

Напротив, Пушкин выделил более позитивные «Восточные стихотворения», в которых Гюго воспел борьбу за национальное освобождение Греции от турецкого ига, — и это так понятно нам, знающим Пушкина как сторонника греческой свободы.

Замечательно, однако, что Пушкин совсем обогнал Гюго-классиста, то есть его ранние стихи, за которые юноша Гюго был удостоен почетного отзыва Французской академии, или те, где он в 1822 году выступил как роялист.

Пушкин назвал «Восточные стихотворения» Гюго «блестящими стихами» и несколько ранее этого отзыва сказал в них о своем письме, что «Гюго и Сент-Бен — бесспорно единственны французские поэты нашего времени...»

Пушкинская оценка Гюго-поэта положила основу тому признанию поэтической мации Виктора Гюго, которое затем утвердилось в прогрессивных русских литературных кругах и дало толчок к распространению поэзии Гюго в нашей стране.

Стихи Гюго перевелись в России широко, и любопытно вспомнить, что царь Николай I в 1834 году посыпал под арест Никитенко, петербургского профессора словесности, за то, что этот пропустил в печати одну из арестованных поэтов — Виктора Гюго, в которой поэт непочтительно высказался о господине.

Напротив, Пушкин выделил более позитивные «Восточные стихотворения», в которых Гюго воспел борьбу за национальное освобождение Греции от турецкого ига, — и это так понятно нам, знающим Пушкина как сторонника греческой свободы.

Замечательно, однако, что Пушкин совсем обогнал Гюго-классиста, то есть его ранние стихи, за которые юноша Гюго был удостоен почетного отзыва Французской академии, или те, где он в 1822 году выступил как роялист.

Пушкин назвал «Восточные стихотворения» Гюго «блестящими стихами» и несколько ранее этого отзыва сказал в них о своем письме, что «Гюго и Сент-Бен — бесспорно единственны французские поэты нашего времени...»

Пушкинская оценка Гюго-поэта положила основу тому признанию поэтической мации Виктора Гюго, которое затем утвердилось в прогрессивных русских литературных кругах и дало толчок к распространению поэзии Гюго в нашей стране.

Стихи Гюго перевелись в России широко, и любопытно вспомнить, что царь Николай I в 1834 году посыпал под арест Никитенко, петербургского профессора словесности, за то, что этот пропустил в печати одну из арестованных поэтов — Виктора Гюго, в которой поэт непочтительно высказался о господине.

Напротив, Пушкин выделил более позитивные «Восточные стихотворения», в которых Гюго воспел борьбу за национальное освобождение Греции от турецкого ига, — и это так понятно нам, знающим Пушкина как сторонника греческой свободы.

Горная наука не должна отставать

Почему горная наука отстает от жизни? Этой теме была посвящена статья В. Хорина, опубликованная в «Литературной газете» 22 ноября 1951 года.

Автор статьи, один из конструкторов горного комбайна «Донбас», привлекая в ней серьезные претензии ученым. До сих пор, указывалось в статье, не разработана теория разрушения углей, не определено такое важное понятие, как прочность угля, конструкторам приходится при создании машин больше ориентироваться на свою интуицию, чем на научно обоснованные показатели. Притчи о отставании горной науки В. Хорина вились в отрывках научных учреждений от практики, в разобщенности академических и отраслевых институтов.

Письма, приведенные от ученых и практиков, полностью подтверждают правильность критических замечаний В. Хорина и важность поднятых ими вопросов.

Академик А. Синчинский, директор Института горного дела Академии наук ССР, в своем письме пишет, что хотя советским ученым принадлежит неоспоримый приоритет в разработке теории разрушения углей, однако то, что сделано, еще недостаточно для удовлетворения запросов нашей советской практики. Институт принял решение укрепить кадрами лаборатории, работающие над этой темой, и проводить эксперименты не только в лабораторных условиях, но и непосредственно в шахтах. Для разработки плана дальнейших исследовательских работ в этой области решено провести в начале 1952 года совещание ученых совместно с конструкторами горных машин и эксплуатационными.

В Институте горного дела Академии наук УССР статья В. Хорина была обсуждена на расширенном заседании научного совета. Как сообщает редакции директор института член-корреспондент Академии наук УССР П. Кучерев, учений совет на метил ускорить окончание многих исследований. В первом полугодии 1952 года состоится выездная научная сессия института в г. Стальино по вопросам теории механического разрушения углей и анатриц.

Ученый совет института предлагает организовать при институте горного дела Академии наук ССР координационный совет из представителей всех научно-исследовательских, проектных и учебных горных институтов для разработки программ, методов и техники производства лабораторных и шахтных экспериментальных исследований.

Надо считать, что Институт горного дела Академии наук ССР в ближайшее же время откликается на это предложение.

С письмом в редакцию обратилась группа профессоров Ленинградского горного института: доктора технических наук Ф. Шашев, В. Геронтьев, В. Слесарев, Ф. Шкиляровский и П. Городецкий.

По утверждению авторов письма, горные вузы не рассматриваются, как резерв науки. Министерство угольной промышленности ССР и его институты мало привлекают горные вузы к выполнению научно-исследовательских работ, забывая, что от этого во многом зависит успех подготовки инженерных кадров для угольной промышленности. Министерство высшего образования поощряет заключение договоров с промышленностью на проведение научно-исследовательских работ крупного значения. Но при этом совершенно не учитывается, что выполнять такие работы на учебном оборудовании невозможно.

ПОСЛЕ ДЕКАДЫ

Дорогой Константин Александрович!

Правление Союза советских писателей ССРГ горячо приветствует и поздравляет Вас в день Вашего славного шестидесятилетия.

Многие годы Вы с честью идете в передовых рядах советской литературы. С Вашим именем связана неутомимая борьба за идейную глубину и силу советской художественной прозы, за высокое мастерство и совершенство ее литературной формы. Своей творческой работой Вы показали, какие огромные возможности дает писателю метод социалистического реализма.

Писательской эпохи, Вы так же, как и многие Ваши собратья по перу, начавшие свой писательский путь первые годы установления советской власти, подтверждаете, что только тот писатель обретает признание миллионов читателей, кто идет вместе со своим народом, борется за его счастье, кто верен бессмертным идеалам Ленина—Сталина.

Вдохновляющая Вас с юных лет благородное стремление посвятить свою жизнь служению народу, Ваша горячая любовь к литературе принесли замечательные плоды.

Начав свой путь писателя еще в годы гражданской войны на страницах красноармейской газеты «Боевой путь», Вы создали такие произведения, как «Города и годы», «Братия», «Похищенные Европы»—произведения, быстро завоевавшие популярность у широких кругов советского читателя.

За выдающиеся заслуги в деле создания советской литературы Вы были в 1939 году удостоены правительственной награды—ордена Трудового Красного Знания.

В дни Великой Отечественной войны Вы неоликратично выступали с военными очерками и гневными статьями, разоблачая кровавые злодеяния гитлеровцев.

Обогащенный огромным жизненным опытом, Вы создали выдающиеся произведения, два иерархически связанных между собой романа: «Первые радости» и «Необыкновенное лето», удостоенные Сталинской премии первой степени, заслуженно пользующиеся в нашей стране всенародным признанием.

На Вашу долю выпало большое счастье пользоваться дружбой и вниманием великого русского писателя Алексея Максимовича Горького. Следуя заветам Горького, Вы неустанно помогаете воспитывать новое поколение молодых советских писателей.

Глубокое уважение вызывают Ваше благородное участие в борьбе за мир во всем мире. Ваши неоднократные выступления за рубежами нашей страны в качестве посла советской интеллигентии, глашатаев мирного созидательного труда.

Ваша активная и многогранная общественная деятельность нашла высокое признание у советского народа, ярко выражющееся в том, что Вы являетесь его избранником в качестве депутата Верховного Совета РСФСР.

Дорогой Константин Александрович, свое шестидесятилетие Вы встречаете в полном расцвете своих творческих сил. Желаем Вам доброго здоровья на долгие, долгие годы! Желаем Вам новых творческих успехов во имя счастья и процветания нашей великой Родины, созидающей величественное здание коммунизма!

По поручению правления Союза советских писателей ССР: А. Фадеев, К. Симонов, А. Сурков, Н. Тихонов, А. Софроньев, Н. Грибачев, Л. Леонов, В. Колевников, Ф. Глазков, Ф. Панферов, И. Эренбург, А. Лахутин, В. Каверин, А. Твардовский, М. Бубенцов, Э. Казакевич, В. Карапетян, В. Ажаев, Л. Сейфуллин, К. Горбунов, П. Вершигора, Б. Ромашов, В. Ермилов, Ю. Либединский, И. Новиков, В. Кирпотин и др.

ет разговор с ханжеского, перковного тона. А в ответ на высокопарную фразу попа Павлина: «Злее и пагубнее творите в присутствии отроков!..», отвечает он: «Отроки, отроки!..», подчеркивая лицемерие и фальшивого высокопарного слога.

В ярких своеобразных афористических выражениях, в ironических репликах, вскрывающих лживость и неискренность окружающих, в соредоточенных вопросах об истинном смысле жизни, о правде встает во весь рост фигура незаурядного, значительного человека, стремящегося оторваться от старого мира и в заключение страстно восхищающего по адресу этого мира: «И погибнет царство, где смрад!».

Пьесы Горького всегда были основаны на вспышках стихийных явлений, а на раскрытии глубоких противоречий, на борьбе мировоззрений. В них развертывается не вспышки, а внутренний, идейный конфликт. Острый конфликт мировоззрений развертывается в «Егоре Бulyчеве».

На одной стороне—бесчеловечный мир угнетения и нахлыны, мир, калечящий людей, ввергающий человечество в войны, делающий несчастными миллионы людей, не знающих ни стыда, ни жалости. Для Василия Достигзева идеал простирается в Америку: «...там в власти сами хозяева». Америка для этого жадного и изворотливого купца потому и является «идеалом», что там «хозяин» может без ограничений наживать, обманывать и грабить.

На другой стороне—новая правда, права таких людей, как Яков Лаптев, права народа. Нет оснований к поспешному умозаключению, что Егор Бulyчев уже стал носителем этой правды. Его значение—в ограничении, в разоблачении того дела, которому была по ошибке посвящена его жизнь. Но в этом отрицании Бulyчев обнаруживает такое своеобразие обаятельного русского характера, такую остроту ума, силу мысли, таков стремление к чистоте в теплоте человеческих отношений, что он не может не вызывать симпатии зрителя.

Великолепная сцена с трубачом, темпераментная и полная умной символики. Егор Бulyчев заставляет трубача Гаврилу громогласно трубить, а когда сбегаются домашние, встревоженные и испуганные, трубный звук гремит еще сильнее, ошеломляя и отглушая их. Этот рев гигиона заучит звуком и обвинением носителя старой правды, предвестник гибели «царства, где смрад». И недаром Бulyчев возв-

глашает: «Глуши их, Гаврило!.. Это же Гаврило-архангел конец миру трубит!..»

Навел Бласов говорил на суде: «Вы оторвали человека от жизни в разрушили его; социализм соединяет разрушенный мир мир во едином великом целом!..»

Следовало ожидать, что руководство ССР Узбекистана решительно и оперативно займется перестройкой своей работы. Ожидания эти пока не оправдались, а ведь после декады прошло уже три месяца.

Правда, за это время итоги декады были обсуждены на собрании партийной организации Союза писателей. Проведены отчетно-выборные собрания творческих секций. А если упомянуть еще более 70 других проводимых здесь различных заседаний и совещаний, то может даже показаться, что организационно-творческая работа в Союзе писателей бьет ключом. Но, к сожалению, за многочисленными заседаниями и хорошими решениями обсуждениями произведений узбекских писателей в Москве, статей, посвященных наиболее важным проблемам узбекской литературы.

Предстоящий план правления Союза писателей Узбекистана оживит творческую деятельность комиссии по теории литературы и критики, однако комиссия еще не обсудила ни одного творческого вопроса.

Слабо перестраиваются свою работу печатные органы Союза писателей—журналы «Звезда Востока» и особенно «Шарк Юлдузи». В этих журналах не найти статей, глубоко анализирующих итоги обсуждения произведений узбекских писателей в Москве, статей, посвященных наиболее важным проблемам узбекской литературы.

Предстоящий план правления Союза писателей Узбекистана оживит общественную деятельность Юго охватывает более половины.

Первые опыты начинающего писателя, еще не определившего свой путь, были близки реакционной романтической литературе его времени. Но романтические симпатии Юго не были прочными.

Уже поднималась в Франции волна широкого общественного протеста против прогнившего режима Бурбонов. Толпы людей рукооплекали вышесказанному из творческого венецианского писенника Беранже.

В ярких памфлетах своих громил Реставрацию Поль Луи Курье. Монархия Бурбонов неотвратимо двигалась к своему бесславному концу.

Уже в повести Юго «Бюг Жаргаль» (1826 г.) сквозь сентиментально-романтическую ситуацию вырисовываются контуры большого социального конфликта.

Образ вожаков восстаний негров открывает собой величественный наряд героев Юго, ярких, романтически приподнятых народов. Париж королю с большой силой подчеркивал общественно-актуальную напряженность романа, овещавшего бурный лыханье времени.

В 40-е годы в творчестве Юго настает кризис, вызванный разгромом народно-освободительного движения в Франции. Позади уходит в интимную лирику, он вынужден как бы разоружается. Великий эпохи революции 1848 г. открывает новый значительный этап в творчестве Юго. Писатель не понял исторического смысла юношеского восстания пролетариев. Но великая заслуга его после поражения революции была страстная и последовательная защита основных социальных вопросов, вспыхнувших в Чарльзом французского народа. В Университетом и Законодательном собраниях (1848—1851 гг.) Юго выступает горячим сторонником народно-освободительных движений в Венгрии, в Италии. В связи с «По римскому вопросу» (октябрь 1849 г.) Юго выступает против Австрии, порабощавшей итальянский народ. Он настаивает на выволе французских войск из Рима, посланных туда для утверждения санкций власти папы. Стремление буржуазии превратить Францию в полицейское государство, избирательный закон, принятый 31 мая 1850 г., по которому из избирательных списков вычеркивались три миллиона голосов, вызывали бурный протест Юго.

Как непреклонный и мужественный поборник республики и демократии, встречающий Юго государственный переворот Луи Бонапарта. Герцен великолепно сказал об этом: «...2 декабря 1851 года он встал во весь рост: в виде штыков и заряженных ружей звал народ к восстанию, под пулями протестовал против союза d'Etat и удалился из Франции, когда пехота бывшего в ней заслужила голову бушующему мечом. Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждане, давниной великих не будет, но двадцатый будет страстным веком». Не будет ничего хуже него на прекрасную историю. Не придется опасаться, как теперь, завоеваний, захватнических вторжений, сочинничества с бандитами, перед лицом неизбежной смерти пролетариев: «Граждан

Янки в Латинской Америке

Николас ГИЛЬЕН
Кубинский поэт

В ПОЯВИвшЕЙСЯ недавно во французской газете «Аксель» статье «Диалог между хозяином и рабом» г-н Марсель Борю разоблачает подлинные цели социального Парижа так называемого «движения двуязычного мира». Если верить заявлению его инициаторов, это движение стремится к тому, чтобы в каждой стране дети школьного возраста изучали, кроме своего родного языка, «еще один иностранный».

На первый взгляд, как это отмечает г-н Борю, в этом нет ничего необычного. Разве может быть что-либо предпочтительнее в том, чтобы расширять культурный кругозор граждан всего мира, обеспечив им возможность знакомства с образом мышления, письмом и речью, отличными от их собственных? Разумеется, нет.

Но в политике буржуазных деятелей реальным бывает то, что остается невидимым. Или, по крайней мере, то, что, по мнению некоторых из них, видят только они одни. И действительно, за так называемым «движением двуязычного мира», на первый взгляд столь безобидным, скрываются силы, преследующие цели, совершенно отличные от публично провозглашаемых. Это похоже на то, как поступают ярмарочные фокусники, одной рукой отвлекающие внимание наивных людей, а другой показывающие фокус.

Говоря об инициаторах этого движения, г-н Борю пишет: «Нами изобретателями ветероятны ни одной минуты. В настоящее время ими... уже представлены ряд проектов закона, обзывающего наших детей с самого раннего возраста обучаться английскому языку».

Зад крестом появляется дьявол — гласит испанская пословица. В данном случае за английским языком стоят янки-захватчики во главе с Маршаллом и Эйзенхаузером. Ни тот, ни другой не имеют, конечно, ничего общего ни с лингвистами, ни с грамматиками, но оба они символизируют проникновение американского империализма в Западную Европу, господство доллара над человеком, распространение режима кока-колы и жевательной резинки, винниц и Голливуда, Джима Кроу и мистера Линча, иными словами, режима Юлла-стрита — режима расизма, эксплуатации, варварства...

Знаменательно то, что после вторжения американцев во Францию там получили широкое распространение самые отвратительные проявления антикультурной политики янки. На первом месте среди них стоит расовый повинизм, антисемитизм, до известной степени утихшие во Франции после страшных лет Дрейфуса, и негрофобия, вообще почти не существовавшая ранее. Читая об этом во французских газетах и не верясь своим глазам. Неужели речь идет о Париже? Может быть, это Нью-Йорк? Неужели все это происходит во Франции, а не в Соединенных Штатах?

Напомним также, что на открытии Осеннего салона в столице Франции — всего несколько месяцев тому назад — публика с удивлением наблюдала за тем, как французская полиция сняла со стендов семь картин прогрессивных художников, обзывающих их «подрывниками». Поразительное соединение: эти злополучные картины выражали идеи, как раз противоположные тем, которые проводят в своей политике вангтингтонский государственный департамент!

Если американский империализм стремится столь рьяно навязать свои вкусы такой стране, как Франция (так же, как и в Италии, Западной Германии, Англии и других маршилловских странах), географически расположенной далеко от США и подвергшейся американскому нашествию сравнительно недавно, то можно себе представить, в какой мере проявляется это влияние в районах, находящихся на американском континенте по соседству с США и составляющих Латинскую Америку, где янки-захватчики подвизаются уже давно!

Кроме Бразилии, где население, как известно, говорит по-португальски, в Гаити, где официальный языком является французский, хотя паро говорят за «пату» (простонародный говор) или «скреон» (на диалекте явно африканского происхождения), остальные 18 латиноамериканских республик имеют общий язык — испанский. Но испанцы говорят также в американской колонии Пуэрто-Рико.

В большинстве латиноамериканских стран преподавание английского языка в школах является обязательным. Ни кто, конечно, не собирается отрицать важность изучения английского языка в овладении им. Каждый человек, желающий перенести из сокровищницы мировой культуры, стремится знать язык Диккенса и Шекспира, Марка Твена и Уолта Уитмена. Но прискорбно то, что в Латинской Америке янки пытаются сделать язык орудием порабощения, превратить его из движущей силы прогресса в инструмент империалистического проникновения. Они хотят, чтобы народы Латинской Америки изучали английский язык по текстам журналов, выпускаемых Вангтингтоном, американским правительством, в направлении против интересов наших народов;

такой культуры можно дать или нужно не давать разрешения на поездку в Соединенные Штаты; кто из них может вынудить доверие Юлла-стриту.

Дипломатические представители США в наших странах осуществляют, таким образом, явную слежку и шантаж по отношению к представителям интеллигентии, особенно к тем, кто не слишком хорошо разбирается в политике. Что же касается лиц «подпортьевых», с точки зрения янки, то им, безусловно, отказывают в визе. Если же они приезжают в США из стран, где в силу существующих соглашений такая виза не требуется (как, например, на Кубе), то такие люди становятся жертвой крайне неприятных притеснений. Как только они попадают в Соединенные Штаты, их немедленно, прямо из аэропорта заставляют возвратиться к месту их отправления, т. е. фактически происходит с профессорами, писателями, художниками и даже с некоторыми буржуазными политическими деятелями, если в досье американской разведки имеется хотя бы микроскопический намек на их демократические взгляды.

Такая политика позволяет империалистам США осуществлять холодный террор по отношению к определенным слоям буржуазной интеллигенции Латинской Америки. Многие из ее представителей из трусости или азотизма покидают свой интеллигентский и свое творчество институту янки.

Иберийская струя в латиноамериканской культуре (так же, как и французская, в историческом плане менее сильная) является объектом постоянного давления со стороны «совремоамериканского империализма, стремящегося превратить ее в деформированную. Империализм янки стремится «янкизировать» наше языки, называть свой «образ жизни», несомненный с нашими национальными традициями, и поменять национальные ценности сомнительными «ценостями», импортируемыми из США. А основой для всего этого служит подготовка в войне. В странах Латинской Америки правительства являются агентами империализма. В то время как большинство наших стран солидаризируется с армией, несознательные или по численности наименее, но с их географической величиной, ни с их внутренними и внешними потребностями, ассигнованиями, предназначенные на народное образование, на развитие науки и искусства, поистине ничтожны. Быть поддержкой со стороны государства пользуются в наших странах поэты, драматурги, скульпторы, композиторы, романтики, учеными? Никаких или почти никаких.

В Советском Союзе и странах народной демократии поражает та исключительная высота, на которую поднято культурное строительство, та поддержка, которой окружены интеллектуальный труд: дома отыха и творчества, значительные премии, предоставляемые государством, издания большим тиражом для широкого распространения в народе, и особенно по мудрой заботе о росте культуры, которую здесь повсюду наблюдают мы, приезжающие из-за рубежа. — забота, являющаяся поистине чудесным средством, позволяющим обнаружить в народе скрытые в нем творческие силы и те еще не выявленные ценности, которые необходимо развивать и укреплять.

На основании всего сказанного выше об антикультурном, если пожелано будет так выразиться, засилье янки в Латинской Америке (как, впрочем и об экономическом, политическом и военном) читатель может, на первый взгляд, сделать вывод о беспытности нашего положения в об отсутствии всякого сопротивления господствующему в наших странах империализму. Но это ошибочно.

И могу, однако, заверить советских читателей, что дело обстоит совсем не так. И в области литературы, науки и искусства, где янки (как и в других странах) пытаются стать полновластными хозяевами, они каждый день терпят поражения. Полидиами выразителями яркой и самобытной культуры Латинской Америки являются те ее представители, которые стоят на стороне народа и в своих произведениях не только отражают его страдания, но и говорят о приближающихся днях свободы, прогресса и мира.

Эти люди представляют те непобедимые силы в Латинской Америке, которые неизвестны народу Северной Америки, а его военных правителей, тех, кто стремится вернуть американский народ и другие народы в новую мировую бойню.

Эти живые силы Латинской Америки не отвергают необходимости изучения иностранной культуры и овладеют ею, но они не хотят допустить насилиственного внедрения в свою страну под флагом этой культуры «американского образа жизни», как оружием гнета и порабощения.

Это те силы Латинской Америки, которые любят злато Советский Союз и страны народной демократии и за jakiут создать для эксплуатируемых в настолько погруженных в нищету и невежество широких масс Латинской Америки нормальные условия духовного развития, демократии, свободы и мира.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгагазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, международной жизни — К 4-03-48, пакеты — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Женщины Гамбурга — сторонницы ми-ра активно протестуют против прово-димой американскими оккупационными силами подростков из разных больших мостов через Эльбу.

На фото демонстрация женщин Гамбурга: на переднем плане — женщина из немецкого журнала «Цейт им Бильд».

Снимок из немецкого журнала «Цейт им Бильд»

В. СИДИХМЕНОВ

БРАТСТВО НАВЕКИ

Осенью 1945 года, когда советские воины разгромили Квантунскую армию и освободили Северо-Восток Китая от ига японского империализма, в городе Чанчуне возникло Общество советско-китайской дружбы. Здесь, в помещении общества, можно было увидеть необычного вида книгу на китайском языке: стопа расщепленых серых листов, испещренных вероглифами, с затертыми от частого перелистывания углами. Это был гениальный сталинский труд: «История ВКП(б). Краткий курс». В условиях, когда японские оккупанты кара-ди смертью за одно упоминание этой книги, китайские коммунисты сумели найти ее перевеси на родной язык и конспиративно ночью читать, читать драгоценные страницы. Железные изучать историю ВКП(б) было так много, что книга пришла расширить по листам, которыми обменивались затем по мере их прочтения.

Слово большевистской правды, — рассказывали китайские патриоты, — помогло нам жить и бороться, воодушевляло нас подняться.

Разгром гоминдано-американского режима Чан Кай-ши и создание Китайской Народной Республики, скривившей братство наших могучих народов Договором о дружбе, союзе и взаимной помощи, окончательно расчистила путь трудовому народу Китая к сокровищнице этого слова. Сейчас трудно найти такой уголок в Китае, где бы не было рядом с портретами товарища И. В. Сталина и Мао Цзэ-дуня дозулиг: «Учиться у ВКП(б)», итти по пути русских!, «Да здравствует нарушившая китайско-советскую дружбу!»

В этих лозунгах — живая действительность сегодняшнего Китая.

Первая в Китайской Народной Республике женщина-тракторист Лиань Цзюнь учила преодолевать трудности у героя книги «Бак заказалась статья» — Павла Корчагина.

Китайские крестьяне из предмета Шанхая, просмотрев советский фильм «Кубанские казаки», написали письмо кубанским колхозникам.

«Когда мы увили вашу счастливую, зажиточную жизнь, — заявляют они, — наша радость невозможна было передать словами. Через вас мы обрели свое счастье, а теперь увидели свое будущее. Это еще более укрепило нашу уверенность в нашем созидательном труде. Мы глубоко верим, что вала зажиточная, радостная жизнь, сегодня будет неладами нашим занятием. Хотя в наших деревнях нет колхозов, нет тракторов, но мы уже начали обильянуть наши силы в сельскохозяйственном производстве. В деревнях созданы группы взаимопомощи. Общими усилиями мы впереди вперед сельскохозяйственного производства. Мы хотим учиться у вас, перенять ваш передовой опыт».

Китайский народ встречается с героями советской литературы и искусства и в живой практической жизни. Советские легионеры, советские новаторы, посещающие Китайскую Народную Республику по приглашению ее правительства, — всегда желанные гости в стране.

Нет такой области в непрерывно разрастающейся экономике нового Китая, где бы опыт и помощь советских людей не оказали своего благотворного влияния.

В живой, наступательной борьбе за новую счастливую жизнь растет и крепнет советско-китайская дружба.

Безгранична любовь двух народов-великанов в творцах этой дружбы — И. В. Сталину и Мао Цзэ-дуну.

О безграничной любви в мудром Сталине, в великом советском народу полны миллионы тружеников нового Китая.

«Наш народ горячо любит своего лучшего учителя и друга, — пишет по-русски в «Литературной газете» аспирант Народного университета Китая Чень Мен. — Так, наш писатель Ли Цзи сказал:

«О Сталине думают скотоводы пригородах степей, Дунтин...»

Много песен слагают наш народ о Сталине, мудром и любимом. Большой мальчик в нашей стране знает великое имя Сталина. С его именем связаны наши радость и счастье. Без него, без помощи великого русского народа не было бы и нашей победы. Вот почему в сердцах каждого из нас пытается горячая любовь к величайшему гению нашей эпохи, к Сталину. Эта любовь и вдохновляет всех нас и наших лобастых ловболовцев, сражавшихся на корейской земле против американской агрессии, борясь за святое дело — свободу и независимость народов, отстаивая прочный мир».

Л. ЧЕРНАЯ

В одной немецкой народной сказке рассказывается о викусах некоего фельдшера, который больше всего на свете любил зеваться по уши в грязь и обиживать отбросы. Впоследствии выяснилось, что у этого фельдшера... свиньями сердце.

Страсти к фашистским отбросам обуяли в последние годы многих буржуазных журналистов. Зарылись по уши в грязь гитлеровской помойки, она с довольным хрюканьем расслекивает вокруг себя зловонную жижу.

То сотрудники французской газеты «Монд» тискают статьи о том, «каким был Гитлер», то лейбористская «Дейлгераль» преподносит читателям «новые материалы» о Геринге, то профессор Принстонского университета США Гордон Крейп прославляет гитлеровского генерала Роммеля...

Нет, не таков матерый наемник Юлла-стрита Курт Рис, чтобы просто так нахрапать 400 с лишним страниц, не будучи заранее уверенным в том, что эти страницы принесут ему хороший барыш.

Книга о Гебельсе — это ходкий и привычный товар. Это — настольная книга, своего рода «научное пособие», по которому каждый дефективный прохвост может, так сказать, в порядке заочного обучения пройти полный курс пропаганды человеческого и пропаганды.

Книга о Гебельсе — это ходкий и привычный товар. Это — настольная книга, своего рода «научное пособие», по которому каждый дефективный прохвост может, так сказать, в порядке заочного обучения пройти полный курс пропаганды.

Книга о Гебельсе — это ходкий и привычный товар. Это — настольная книга, своего рода «научное пособие», по которому каждый дефективный прохвост может, так сказать, в порядке заочного обучения пройти полный курс пропаганды.

Книга о Гебельсе — это ходкий и привычный товар. Это — настольная книга, своего рода «научное пособие», по которому каждый дефективный прохвост может, так сказать, в порядке заочного обучения пройти полный курс пропаганды.

Книга о Гебельсе — это ходкий и привычный товар. Это — настольная книга, своего рода «научное пособие», по которому каждый дефективный прохвост может, так сказать, в порядке заочного обучения пройти полный курс пропаганды.

Книга о Гебельсе — это ходкий и привычный товар. Это — настольная книга, своего рода «научное пособие», по которому каждый дефективный прохвост может, так сказать, в порядке заочного обучения пройти полный курс пропаганды.

Книга о Гебельсе — это ходкий и привычный товар. Это — настольная книга, своего рода «научное пособие», по которому каждый дефективный прохвост может, так сказать, в порядке заочного обучения пройти полный курс пропаганды.

Книга о Гебельсе — это х